

*Посвящается Федерико и Элеоноре:
мужеству, безрассудству, страху и безумию
которые мы разделили в дни потерь
и приобретений*

И проиграли бой. Что из того?
Не все погибло: сохранен запал
Неукротимой воли, наряду
С безмерной ненавистью, жаждой мстить
И мужеством — не уступать вовек.

Джон Мильтон¹

¹ Дж о н М и л ь т о н. Потерянный рай, кн. 1. *Перевод
Аркадия Штейнберга.*

ПРОЛОГ

Баньяра-Калабра, 16 октября 1799

Кто пытается, у того получается.

Сицилийская поговорка

Гул землетрясения, пробуждаясь в море, врзается в ночь. Набухает, растет, превращается в грохот, разрывающий тишину.

В домах спят люди. Кто-то просыпается от звона посуды, кто-то — от резких хлопков дверей. И все, как один, на ногах, когда дрожат стены.

Мычание, лай собак, молитвы, ругательства. Горы стряхивают с себя камни и грязь, мир опрокидывается.

Землетрясение доходит до предместья Пьетралиша, хватается за фундамент, яростно встряхивает дом.

Иньяцио открывает глаза, вырванный из сна волнами дрожи, идущими по стенам. Низкий потолок над головой, кажется, вот-вот упадет.

Это не сон. Это страшная явь.

Он видит, как кровать Виктории, племянницы, ходит ходуном по комнате. На скамье подпрыгивает железная шкатулка, падает на пол вместе с расческой и бритвой.

ЛЬВЫ СИЦИЛИИ

В доме слышны женские крики:

— Помогите, помогите! Беда!

Иньяцио вскакивает на ноги, но не убегает. Сначала нужно спрятать Викторию: ей всего девять лет, она до смерти напугана. Он тащит ее под кровать, в укрытие.

— Сиди здесь, слышишь? — говорит он ей. — Не шевелись.

Она только кивает. Не может говорить от страха.

Паоло. Винченцо. Джузеппина.

Иньяцио выбегает из комнаты. Короткий коридор кажется ему бесконечным. Он чувствует, как стена уходит из-под ладони, нащупывает ее, но она снова отступает, будто живая.

Он вбегает в спальню Паоло, брата. Сквозь щели в ставнях в комнату проникает слабый свет. Его невестка Джузеппина уже вскочила с кровати. Материнский инстинкт разбудил ее, подсказал, что над ее младенцем Винченцо нависла беда. Она пытается вынуть малыша из плетеной корзины, привязанной к потолочным балкам, но колыбель качается на сейсмических волнах. Женщина плачет, в отчаянии тянет руки, стараясь остановить страшные качели.

Шаль, прикрывающая ее голые плечи, падает на пол.

— Сынок! Бежим скорее! Пресвятая Мадонна, помоги нам!

Джузеппина успевает забрать из колыбели новорожденного. Винченцо открывает глаза и заходится плачем.

В суматохе Иньяцио замечает чью-то тень. Это Паоло, брат. Он вскакивает с постели, подбегает к жене, выталкивает ее в коридор.

— Уходим!

Иньяцио возвращается к себе.

— Подожди! Виктория! — кричит он.

СТЕФАНИЯ ЛУЧИ

Виктория в темноте под кроватью свернулась калачиком, обхватив голову руками. Он подхватывает ее и бежит прочь. Куски штукатурки отваливаются от стен, гул землетрясения нарастает.

Девочка вцепилась в него, чуть не рвет рубашку, тонкими пальчиками царапает ему грудь, так ей страшно.

Паоло на пороге, они бегут вниз по лестнице.

— Сюда, скорее!

Выбегают на середину двора, ударные волны становятся все сильнее. Какое счастье, что они вместе, впятером. Жмутся друг к другу, пригнули головы, закрыли глаза.

Иньяцио молится и дрожит, и надеется. Рано или поздно все заканчивается. Должно закончиться.

Время рассыпается на миллионы мгновений.

Как и нарастал, постепенно, гул стихает и вскоре угасает совсем.

Остается только ночь.

Но Иньяцио знает, что тишина обманчива. Ему рано пришлось постичь науку, которую преподносит землетрясение.

Он поднимает голову. Сквозь рубашку чувствует страх Виктории, дрожь ее тела, ее ногти больно царапают кожу. Он читает страх и на лице невестки, замечает радость в глазах брата; видит, как Джузеппина ищет руку мужа, а Паоло отворачивается и идет к дому.

— Слава Богу, дом устоял! Днем посмотрим, нет ли трещин, все ли цело...

Винченцо улучил момент и громко заплакал. Джузеппина утешает его:

— Тише, тише, мой маленький, все хорошо.

Баюкая малыша, подходит к Иньяцио и Виктории. Джузеппине все еще страшно: Иньяцио слышит ее уча-

ЛЬВЫ СИЦИЛИИ

щенное дыхание, чувствует запах пота, запах страха, к которому примешивается аромат мыла, исходящий от ее ночной рубашки.

— Виктория, как ты? Все хорошо? — спрашивает Иньяцио.

Племянница кивает, но не отпускает дядину рубашку. Иньяцио приходится разжать ее ручку. Он понимает ее страх: девочка, дочь его брата Франческо, круглая сирота. После смерти родителей ребенок остался на попечении Паоло и Джузеппины, единственных, кто мог заменить ей семью и дать крышу над головой.

— Я здесь. Не бойся.

Виктория молча смотрит на него, потом бросается к Джузеппине и крепко-крепко обнимает ее.

Виктория живет с Джузеппиной и Паоло с тех пор, как они поженились, то есть почти три года. Характером она похожа на дядю Паоло: замкнутая, молчаливая, гордая. Но сейчас это просто несчастный, испуганный ребенок.

У страха много лиц. Иньяцио знает, что его брат, к примеру, не будет стоять и плакать. Подбоченившись, он с мрачным видом осматривает свой двор, переводит взгляд на окружающие долины горы.

— Пресвятая Дева, сколько же это длилось?

Его вопрос повисает в тишине.

— Не знаю. Долго, — помолчав, отвечает Иньяцио. Он пытается успокоить внутреннюю дрожь. Лицо напряжено от страха, тонкие нервные руки подрагивают, желваки ходят под лохматой бородой. Он моложе Паоло, хоть и выглядит старше своего возраста.

Напряжение отпускает, сменяется слабостью. Иньяцио чувствует сырость утреннего воздуха, острые камни под ногами, тошноту. Он выскочил из дома босой, в од-

СТЕФАНИЯ ЛУЧЧИ

ной ночной рубашке. Откидывает волосы со лба, смотрит на брата, потом на невестку.

Решение приходит в один миг.

Он бежит к дому. Паоло — за ним, хватая за руку.

— Куда ты собрался?

— Им нужны одеяла, — кивает в сторону Виктории и баюкающей младенца Джузеппины. — Оставайся с женой. Я схожу.

Не дожидаясь ответа, Иньяцио торопливо и вместе с тем осторожно поднимается по ступеням. На пороге останавливается, ждет, когда глаза привыкнут к полумраку.

Посуда, стулья — все валяется на полу. У кадки рассыпана мука, белое облачко еще кружит в воздухе.

У Иньяцио сжимается сердце: это дом Джузеппины, ее приданое. Это семейный очаг Джузеппины и Паоло, радушно приветивший и его, Иньяцио. Грустно сейчас видеть дом таким бесприютным.

Иньяцио колеблется. Он знает, что будет, если придет новая волна.

Нерешительность длится мгновение. Иньяцио бежит в дом, срывает с постелей одеяла.

Пробирается в свою комнату. Находит мешок с рабочими инструментами, хватая его. Видит железную шкатулку на полу. Открывает. Обручальное кольцо матери сияет в полумраке словно в утешение.

Кидает шкатулку в мешок.

В коридоре на полу валяется шаль Джузеппины: должно быть, невестка, убегая, обронила. Она никогда не расстается с ней, носит эту шаль с первого дня, как вошла в их семью.

Он хватая шаль, бежит к лестнице, спешно крестится на распятие у входа.

Через минуту земля снова начинает дрожать.

ЛЬВЫ СИЦИЛИИ

* * *

— Быстро прошло, слава Богу.

Иньяцио отдает брату одеяла, другим укрывает Викторию и, наконец, протягивает Джузеппине шаль. Та, спохватившись, ощупывает свои голые плечи, ночную сорочку:

— Но...

— Я нашел ее на полу, — объясняет Иньяцио, опуская глаза.

— Спасибо, — бормочет Джузеппина. Закутывается в теплую мягкую шаль, чтобы согреться. Дрожит не только от ночной прохлады — от тревожных воспоминаний.

— Зря мы стоим на улице. — Паоло распахивает дверь хлева. Корова мычит, будто возражая, а Паоло тащит ее за привязь вглубь сарая. Зажигает фонарь. Кидает охапки сена к стене.

— Виктория, Джузеппина, садитесь!

Это проявление заботы, Иньяцио знает, но тон у Паоло беспрекословный. Джузеппина и Виктория растерянно смотрят на небо, на дорогу. Они так и будут стоять во дворе всю ночь, если не сказать им, что делать. Это обязанность главы семейства. Быть сильным, защищать — вот задача мужчины, особенно такого мужчины, как Паоло.

Виктория и Джузеппина падают на кучу соломы. Девочка сворачивается калачиком, сжав кулачки перед лицом.

Джузеппина смотрит на нее. Смотрит и не хочет вспоминать, но коварная, гадкая память хватает за горло и затягивает в прошлое.

Ее детство. Смерть родителей.

СТЕФАНИЯ АУЧИ

Джузеппина закрывает глаза, тяжело вздыхает, отгоняя воспоминания. Пытается отогнать. Она прижимает к себе Винченцо, затем осторожно открывает разрез ночной сорочки. Ребенок мигом прилипает к груди. Ручкой мнет тонкую кожу, ноготками царапает ареолу соска.

Она жива, ее сын жив. Он не останется сиротой.

Иньяцио стоит на пороге. Внимательно смотрит на дом. В темноте он пытается определить, не просел ли фундамент, не покосились ли стены, но ничего не видит. Он не спешит делать выводы, но таит надежду, что *на этот раз* все обошлось.

Воспоминание о матери — порыв ветра в ночи. Мать смеется, протягивает руки, а он, маленький, бежит ей навстречу. Шкатулка в мешке вдруг кажется очень тяжелой. Иньяцио вынимает шкатулку, достает золотое кольцо. Сжимает его в кулаке, прижав руку к сердцу.

— Мама! — шепчет он едва слышно.

Это молитва, которая дает утешение. Это тоска по ласке, которой ему так не хватало. С семи лет. С тех пор, как умерла Роза, его мать. Шел 1783 год, год кары Господней, год, когда земля дрожала, пока от Баньяры не остались лишь обломки. Та катастрофа затронула Калабрию и Сицилию, тысячи людей погибли. В одну ночь землетрясение унесло несколько десятков жизней только в Баньяре.

Тогда он и Джузеппина тоже оказались рядом.

Иньяцио хорошо ее помнит. Худенькая бледная девочка стояла рядом с братом и сестрой и смотрела на два земляных холмика, отмеченные одним крестом: ее родители погибли под обломками дома.

Он был с отцом и сестрой; Паоло стоял чуть поодаль — руки сжаты в кулаки, хмурый взгляд подростка.

ЛЬВЫ СИЦИЛИИ

В те дни оплакивали не только своих близких: родителей Джузеппины, Джованну и Винченцо Саффьотти хоронили в тот же день, что и его мать, Розу Беллантони, прощались тогда и с другими жителями Баньяры. Фамилии повторялись: Барбаро, Сполити, Ди Майо, Серджи, Флорио.

Иньяцио смотрит на невестку. Джузеппина поднимает глаза, их взгляды встречаются, и вдруг он отчетливо понимает, что ее преследуют те же воспоминания.

Они говорят на одном языке, чувствуют одну боль, несут в себе одно одиночество.

* * *

— Надо пойти посмотреть, как остальные, — Иньяцио машет рукой в сторону холма за Баньярой. Огоньки в темноте означают, что там жилье, там люди. — Ты что, не хочешь узнать, все ли в порядке у Маттии и Паоло Барбаро?

В его голосе нотки сомнения. Иньяцио двадцать три года, настоящий мужчина, но для Паоло он ребенок, тот, что прятался за родительским домом, за кузницей отца, когда *их* мать его ругала. Потом, при *другой*, новой жене отца, Иньяцио никогда не плакал. Просто смотрел на нее с нескрываемой ненавистью и молчал.

— Зачем? — Паоло пожимает плечами. — Дома стоят, значит, все в порядке. Сейчас ночь, темно, а Пальяра далеко.

Но Иньяцио с тревогой смотрит на дорогу, переводит взгляд на холмы, окружающие город:

— Нет, все-таки пойду, посмотрю, как они.

Он идет по тропе, ведущей к центру Баньяры, вслед ему летит ругань брата.

— Вернись! — кричит Паоло, но Иньяцио лишь машет рукой и мотает головой, мол, нет, уходит.

СТЕФАНИЯ ЛУЧИ

Он босой, в одной ночной рубашке, но словно не замечает этого. Нужно проведать сестру. Иньяцио спускается с холма, где лежит Пьетралиша, и быстро входит в город. Повсюду камни, обломки, куски штукатурки, разбитая черепица.

Вот бежит человек, у него рана на голове. Кровь блестит в свете факела, которым он освещает переулок. Иньяцио пересекает площадь, идет по узким улочкам, куда из дворов высыпали куры, козы, собаки. Кругом суматоха.

Во дворах женщины и дети громко молятся, перебиваются, чтобы узнать новости. Мужчины ищут в завалах заступы, мотыги, ящики с инструментами — единственное, что может обеспечить пропитание, что ценнее еды или одежды.

Иньяцио идет по дороге, ведущей в предместье Гранаро, где находится дом Барбаро.

Вдоль дороги виднеются каменные и деревянные лачуги.

Раньше здесь стояли настоящие дома — он тогда был мал, но хорошо помнит. Их разрушило землетрясение 1783 года. Кто мог, отстроил свое жилище заново из того, что удалось спасти. Кто-то сумел на месте руин построить большой и богатый дом, как сделал Паоло Барбаро, муж их сестры, Маттии Флорио.

Маттия сидит на скамейке босая. Темные глаза, строгий взгляд. Дочь Анна крепко вцепилась в ночную сорочку матери, на руках у которой спит малыш Рафаэле.

Как она сейчас похожа на мать! — думает Иньяцио. Он подходит к ней, крепко обнимает, не говоря ни слова. На сердце сразу становится тепло.

— Как вы? Паоло, Винченцо? А Виктория? — Она берет его лицо в свои ладони, целует глаза. Сдерживается,